

Из истории русского языка

Имя шута: лубочные персонажи Фарнос, Гонос и Ералаш

Плетнева Александра Андреевна, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), apletneva@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170026393-1

АННОТАЦИЯ: В лубочных листах развлекательного характера встречаются персонажи со странными именами. Эти имена не являются ни вариациями на основе христианских имен, ни прозвищами с понятной внутренней формой. В данной статье рассматривается возможное происхождение имен Фарнос, Гонос и Ералаш, их функционирование в лубке и других текстах.

Имя шута Фарнос связано с именем персонажа комедии дель арте Gian Farina, которое было известно в России, в частности, благодаря офортам Жака Калло. Широкое распространение лубков с изображением Фарноса привело к тому, что это имя стало апеллятивом. Слово *фарнос* в значении ‘высокомерный человек, гордец’ фиксирует словарь В. И. Даля. Другой шут — Гонос, вероятно, не имеет определенного иностранного прототипа. Его имя соотносится с представленными в «Словаре русских народных говоров» словами *гоно́ситься* (‘кичиться, проявлять спесь, важничать’) и *гонóсный* (‘гордый, спесивый’). Имя Ералаш произошло из апеллятива *ералаш*. Это слово тюркского происхождения фиксируется с XVIII в. и означает ‘беспорядок, вздор’. Во всех текстах, где встречаются эти шутовские персонажи, функционирование имени определяется рифмой. *Фарнос* и *Гонос* рифмуются со словом *нос*, имя *Ералаш* — со словом *наш*. Фонетические созвучия и ложная этимологизация дают обширный материал для языковой игры и балагурства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история слов, заимствованная лексика, имя собственное, рифма, народная гравюра, лубок, народный театр

для цитирования: Плетнева А. А. Имя шута: лубочные персонажи Фарнос, Гонос и Ералаш // Русская речь. 2023. № 3. С. 55–67. DOI: 10.31857/S013161170026393-1.

From the History of the Russian Language

Jester Names: Lubok Characters *Farnos, Gonos and Yeralash*

Alexandra A. Pletneva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), apletneva@list.ru

ABSTRACT: Some *lubok* prints (cheap popular prints) of an entertaining nature feature characters with strange names. These names are neither variations based on Christian names, nor nicknames with a clear internal form. This article discusses a possible origin of the names *Farnos*, *Gonos* and *Yeralash*, their functioning in *lubok* prints and other texts.

The name of the jester *Farnos* (Rus. *Фарнос*) is associated with the name of the commedia dell'arte character Gian Farina. The latter was known in Russia, in particular, thanks to the etchings by Jacques Callot. The widespread use of *lubok* prints with the image of *Farnos* led to this name becoming an appellative. The word *фарнос* /*farnos*/ is defined in the dictionary by Vladimir Dal as 'an arrogant person, a proudling'. Another jester, *Gonos* (Rus. *Гонос*), probably does not have a foreign prototype. His name correlates with the words *гоноситься* /*gono`sit'sya*/ ('to boast, to show arrogance, to flaunt') and *гоносный* /*go`nosnyj*/ ('proud, haughty') presented in the Dictionary of Russian Folk Dialects. The name *Yeralash* (Rus. *Ералаш*) originates from the identical appellative. This word of Turkic origin was recorded in the 18th century and means 'mess, nonsense'. In all the texts involving these buffoon characters, the functioning of the name is determined by a rhyme. *Farnos* and *Gonos* rhyme with the word *нос* /*nos*/ ('nose'), the name *Yeralash* rhymes with the word *наш* /*nash*/ ('our, ours'). Phonetic consonance and false etymologization provide extensive material for language game and jokes.

KEYWORDS: history of words, borrowed vocabulary, proper name, rhyme, folk engraving, *lubok*, folk theater

FOR CITATION: Pletneva A. A. Jester Names: Lubok Characters *Farnos, Gonos* and *Yeralash*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 3. Pp. 55–67. DOI: 10.31857/S013161170026393-1.

На лубочных картинках развлекательного содержания некоторые персонажи носят необычные имена. В этой статье речь пойдет о Фарносе, Гоносе и Ералаше. Имена этих персонажей не имеют никакого отношения ни к христианским каноническим именам, ни к народным прозвищам (от последних они отличаются тем, что их внутренняя форма не кажется очевидной).

Как известно, русский игровой лубок неразрывно связан с народным театром¹. Эта связь проявляется в различных аспектах, в частности, в употреблении имен и прозвищ. Театральный персонаж всегда как-то назван. Причем это может быть как имя собственное, так и апеллатив, в контексте пьесы становящийся именем собственным. Так, в пьесе «Барин и Афонька» действуют персонажи, обозначенные в заглавии [Берков (ред.) 1953: 44], в пьесе «Разговор двух министров» — Куракин и Волков [Берков (ред.) 1953: 62], в пьесе «Мнимый барин» — Барин, Барыня, Трактирщик, Лакей, Староста [Берков (ред.) 1953: 53]. Мы видим, что одни персонажи названы христианскими именами или фамилиями, другие — по роду занятий, социальному статусу и т. п. То же самое мы видим и в лубке. Далее я буду ссылаться на лубки, описанные в каталоге Д. А. Ровинского «Русские народные картинки». Персонаж лубка № 113 назван Митя [Ровинский I: 335], на картинке № 121 изображены Ванюшка, Танюшка, Яков Кучер и Кухарка [Ровинский I: 346]. Картинки №№ 137–138 воспроизводят диалоги Жениха и Свахи [Ровинский I: 359–361], а № 120 — монолог Блинщицы [Ровинский I: 344]. Однако лубочные имена шутов Фарноса, Гоноса и Ералаша не похожи на все перечисленное выше. Эти имена не относятся к христианским именам или фамилиям, не сообщают никакой

¹ Эту связь отмечал М. Ю. Лотман в статье «Художественная природа русских народных картинок». Он выделил те черты лубка, которые объединяют его с театральным представлением. Это изображение на картинке рампы и театрального занавеса, тяготение лубка к комической маске, которая, вероятно, попала в русский лубок через гравюры Калло, особое расположение текста в разных местах листа, что заставляет глаз двигаться по изображению и из статичной картинка становится динамичной, устройство текста как примитивного диалога (как соединения двух или нескольких монологов) [Лотман 1999: 385–391].

специальной информации о персонажах, которые их носят (напр. о возрасте, социальном положении и под.). Все это обуславливает наш интерес к происхождению этих экзотических имен и их функционированию в лубках и других текстах.

Фарнос

Самым популярным персонажем, носящим экзотическое имя, является Фарнос. В издании Д. А. Ровинского Фарнос встречается на нескольких гравюрах. На первой картинке (№ 209 А) Фарнос изображен верхом на свинье, в руках он держит какой-то духовой музыкальный инструмент, на голове у него шутовской колпак². В верхнем левом углу помещен следующий текст³:

Рис. 1. Фарнос.
Народная гравюра
(Ровинский № 209А)

Fig. 1. Farnos.
Folk engraving
(Rovinsky No. 209A)

«я детина не богатой / а имею нос горбатой / собою весма важеватой / зовут меня Фарнос / красной нос, / три дня надувался, / как в танцовальные башмаки обувался, / а колпак с пером надел, / полны штаны набздел, / совсем оболкса, / на виноходной свинье поволокса, / а свинья моя хрюкает, / лакомства своего нюхает» [Ровинский IV: 310–311].

В оригинале текст представляет собой запись раешного стиха в строку. Для облегчения чтения мы добавили сюда цезуры.

На второй картинке (№ 112) изображен мужчина в шутовском колпаке с пером и женщина в колпаке, украшенном хвостом или пером, которые покупают у целовальника спиртное. В верхней части листа помещен достаточно объемный текст, который начинается так:

«Брат целовальник, не ты ли Ермак, / что носишь красной валиной колпак, / отдал бы я тебе поклон, / да на самом на мне колпак с хохлом, /

² Такая же фигура изображена на другом листе (№ 102). Это гравюра на дереве середины XVIII в. Здесь изображен шут, играющий на волынке, внешне очень похожий на Фарноса, изображенного на упомянутом выше листе. При этом имени персонажа на листе нет [Ровинский I: 317].

³ Здесь и далее лубочные тексты цитируются в упрощенной орфографии.

знавал ли ты Фарноса? / Желает ли ты посмотреть краснова моево носа? / Жену мою Пигасью видал ли ты? / Вести такие про нас слышал ли ты?» [Ровинский I, 334].

Далее речь идет о том, что Фарнос и Пигасья накануне пропили в кабаке все деньги, при этом хорошо повеселились и впредь готовы поступать так же.

На третьем из интересующих нас лубков (№ 209) Фарнос изображен в виде сидящего музыканта с гудком (смычковым музыкальным инструментом) в руках и в шутовском колпаке на голове. Это наиболее «русифицированное» изображение Фарноса и, видимо, наиболее позднее по времени изготовления из известных нам (согласно Ровинскому, этот лубочный лист выпущен между 1820 и 1830 годами). Здесь перед нами не европейский шут, а, скорее, музыкант-скоморох. В нижней части листа помещен текст, из которого, в частности, мы узнаем, как зовут этого музыканта:

«Здравствуйте, почтенные господа, / я приехал к вам музыкант сюда, / не дивитесь на мою рожу / что я имею у себя не очень пригожу, / а зовут меня молотца Петруха Фарнос, / потому что у меня большой нос. / Три дни надувался, / в танцавалнне башмаки обувался, / а как в танцавалнне платье совсем облокся, / к девушкам и поволокся. / На шее я ношу поношеную трепицу, / а сам наигрываю в скрипицу, / на жопе держу ворону, / от камаров оборону, / к тому ж я из жопы дух испущаю, / тем себя от них и защищаю. / Натура моя всегда так пробавляетца, / в кабаке вином с бабами забавляется» [Ровинский I: 439].

Обращает на себя внимание, что в этом тексте главный герой назван не просто Фарносом, а Петрухой Фарносом. Исследователи XIX в. высказывали предположение, что лубочный герой Фарнос — пародия на шута Анны Иоанновны Pietro Mira, известного в русской истории как Педрилло [Ровинский V: 270]. Уже в XXI в. история российских гастролей Pietro Mira была описана в статье Марио Корти, посвященной итальянской музыке в Петербурге XVIII в. [Corti 2005]. В русскую культурную традицию Педрилло (Pietro Mira) вошел как шут, а не как музыкант. Соотнесение Петра (Петрухи) Фарноса и Pietro Mira действительно напрашивается, тем более что на двух первых из описанных нами картинок Фарнос имеет черты европейского шута или итальянского комедианта. Однако на картинках, соотносимых с европейскими гравюрами, Фарнос не назван Петрухой. А на той картинке, где изображен Петруха Фарнос, мы видим музыканта-скомороха, а не европейского шута. Так что предположение о его связи с шутотом Анны Иоанновны следует отметить как маловероятное.

Возвращаясь к первым двум картинкам, на которых изображен европейский шут, можно сказать, что это приехавший издалека музыкант и актер, у него большой красный нос, он любит веселиться, его интересуют вино и женщины. Фарнос одет в шутовскую одежду: колпак с пером или с бубенчиками. У него есть ворона, и он ездит на «виноходной свинье»⁴. В том, что этот персонаж попал в народную гравюру под влиянием европейского театра, сомневаться не приходится. Но остается вопрос, было это влияние непосредственным или опосредованным. Говоря о происхождении этого персонажа, Д. А. Ровинский предполагал, что Фарнос пришел непосредственно из итальянской пантомимы [Ровинский V: 269]. На наш же взгляд, здесь уместнее говорить не о непосредственном влиянии уличных представлений, а о гравюрах на темы итальянского народного театра. В серии офортов Жака Калло *I Balli di Sfessania*, созданной в 1621–1622 гг., имеется лист, на котором изображен *Gian Farina*. Мы склонны связывать имя Фарноса с именем Жана Фарины (франц. *Jean Farine*, итал. *Gian Farina*), персонажем комедии *дель арте*. В лубочной версии актуальной становится не мука, которой белили лица персонажи европейского народного театра (*farina*, *farine* — с итальянского и французского ‘мука’), а большой нос, с которым рифмуется русифицированная версия имени. Фонетические ассоциации *Фарнос* — *нос* всячески обыгрываются. В результате имя *Фарина* превращается в созвучное со словом *нос* имя *Фарнос*⁵.

Появившись под влиянием имени персонажа комедии *дель арте*⁶ и получив широкое распространение благодаря лубочным текстам, имя *Фарнос* стало прочно ассоциироваться с культурой балагурства и шутовства.

⁴ *Виноходная свинья* — это свинья, которая идет на запаха вина. Например, наездник, сидящий на свинье, держит перед ее носом сосуд с вином на длинном шесте. На нашей картинке Фарнос повесил сосуд с вином на свою дудку, а в лубке «Баба Яга дерется с крокодилом» сама баба Яга едет на *виноходной свинье*, а «скляница с вином» стоит рядом, «под кустом» [Ровинский I: 134].

⁵ Следует отметить, что трансформация звучания имени в связи с использованием его в рифмованных текстах не уникальное явление. Интересным в этом отношении является трансформация имени *Riciulina* с гравюры Калло в имя *Арина* в лубке. Это превращение интересно не только тем, что исходное имя и его лубочная трансформация рифмуются. *Ричулина* на гравюре-оригинале танцует, а в лубочных текстах *Арина/Аринка* — это имя танцующей женщины. В ряде лубков, содержащих рифмованные тексты, слово *вольнка* рифмуется с именем *Аринка* («Надувай друг скорее вольнку а я тот час позову плясать подругу свою Аринку» [Ровинский I: 317]; «Мышь Аринка играет в вольнку» [Ровинский I: 391]; «Мышь татарская Аринка тош наигрывает в вольнку» [Ровинский I: 397]). *Аринка/Арина* стала танцующим или играющим на вольнке персонажем именно под влиянием устойчивой и повторяющейся из текста в текст рифмы.

⁶ В интернет-публикациях встречаются утверждения о том, что имя Фарнос пришло из идиша (פֿאַרנאָס «парнос» — «заработок»), однако ни лингвистических, ни исторических подтверждений это предположение не имеет. В популярных публикациях также встречается утверждение, что Фарнос ведет свою родословную от итальянского персонажа Пьетро Фарноса. Однако итальянскому народному театру персонаж с таким именем неизвестен.

Рис. 2. Fracischina and Gian Farina.
Из серии офортов Жака Калло
«I Balli di Sfessania» (1621–1622)

Fig. 2. Fracischina and Gian Farina.
From the series of etchings by Jacques Callot
«I Balli di Sfessania» (1621–1622)

Так, в одном из многочисленных лубочных «Погребений кота» среди шутовской погребальной процессии мышей появляется мышка Фарносик: «Мышка Фарносик красный носик растоптала лапти ознобила лапки»⁷ [Ровинский I: 399].

Слово *Фарнос* появляется не только в лубке. *Фарнос* как апеллатив встречается в словаре Даля, где толкуется как 'высонос, гордец'. К нему в гнездо добавляется пара женского рода *фарноска* и слово *фарносый*, которое толкуется как 'курносый' [Даль IV: 1133]⁸. По Далю получается,

⁷ О связи лубка «Погребение кота» со скоморошьей и шутовской культурой см. [Плетнева 2021: 106–109].

⁸ Что касается возможности превращения имени *Фарнос* в апеллатив, то тут нужно вспомнить другого комедийного персонажа. Имя самого популярного персонажа кукольного народного представления Петрушки не ассоциируется с христианским именем *Петр*, а тяготеет к апеллативу. Петрушка — это кукла в красном платье с длинным носом. Национальный корпус русского языка дает значительное количество употреблений слова *петрушка* как имени нарицательного. Например: «Во-первых, он хоть и бывший домовладелец, но сейчас работает, *петрушек* выпиливает и этим только и кормится» (И. И. Катаев. Сердце. 1928); «И как прав, с другой стороны, Художественный театр, который, в погоне за мало-мальским успехом "представления", переполнил некоторые сцены шаржированными донельзя карикатурами на живых людей, заставив их говорить голосами балаганных *петрушек*» (А. В. Живаго. Дневник. 1908) и др. Характерно, что современный русско-итальянский словарь дает омонимы — *петрушка* как название растения (*prezzemolo*) и *петрушка* как театральная кукла, которая соотносится с *pulcinella* и *burattino* [Канестри 2011: 427].

что *фарнос* — это человек, у которого кончик носа направлен вверх, то есть либо человек с курносым носом, либо гордец. В любом случае толкование идет с опорой на внутреннюю форму слова, на вычленение компонента *-нос*.

Фарнос, *фарноска* и *фарносый* есть и в «Словаре русских народных говоров». Значения этих слов те же, что и в словаре Даля. *Фарнос* здесь толкуется как 1) ‘человек со вздернутым носом’ 2) ‘заносчивый человек’. *Фарноска* имеет только отсылку к словарю Даля, без уточнения значения, локации и времени. Слово *фарносый* толкуется как ‘курносый, с некрасивым вздернутым носом’ [Мызников (гл. ред.) 2016: 62]. Все фиксации относятся к середине XIX в. Можно заключить, что во второй половине XVIII — первой половине XIX в. имя *Фарнос* из популярного в народе и имеющего большие тиражи лубка вошло в городское просторечие в качестве имени нарицательного. Фонетический облик имени *Фарнос* провоцировал ассоциации, с одной стороны, со словами *заноситься*, *заносчивый*⁹, а с другой — со словом *курносый*, что и определило семантическую историю слова. Именно употребление в городском просторечии могло быть зафиксировано Далем.

Фарнос из лубка перебирается и в маргинальные литературные тексты. Хотя его литературная жизнь была довольно короткой, мы все же можем привести два примера. Так, это имя появляется в приписываемой Ивану Баркову порнографической пьесе «Дурносов и Фарнос» [Барков 1992: 276–318]. Нужно сказать, что Фарнос — не единственный персонаж, перекочевавший в эту пьесу из лубка. Среди действующих лиц мы видим *Миликрису*, имя которой, несомненно, навеяно именем *Милитрисы* — матери Бовы-королевича из одноименной лубочной сказки. К сказке о Бове некоторым образом отсылает и имя другого персонажа пьесы — *Щелкопера*. Хотя появившееся в XVIII в. слово *щелкопер* [Виноградов 1994: 78] было хорошо известно во времена Баркова, мы видим здесь также и отсылку к лубочной сказке, одним из героев которой был Лукопер. Лубочная сказка о Бове-королевиче выдержала много переизданий, ее герои были хорошо известны. Имена *Милитрисы* и *Лукопера* однозначно отсылали к истории о Бове. Поэтому созвучные им *Миликриса* и *Щелкопер* также должны были отсылать читателя к популярной лубочной литературе.

Имя *Фарнос*, точнее фамилия (или прозвище) *Фарносый*, встречается в «Повести о днях моей жизни» И. Е. Вольнова [Вольнов 1914: 66]. Фарносый — эпизодический персонаж, то есть для Вольнова это не говорящая фамилия, а самая обыкновенная.

⁹ В «Словаре русских народных говоров» зафиксировано также слово *заносливый*, которое среди других значений имеет значения ‘заносчивый’ и ‘глупый, ненормальный, говорящий глупости’ [Филин (гл. ред.) 1974: 284].

Гonos

Гonos — родной брат Фарноса. У него также большой нос, в лубке он прямо назван «дураком», он одет в полосатый костюм шута и, как положено шуту европейского происхождения, ходит с вороной. Облик Гonosа очень близок длинноносым комическим персонажам, изображенным на офортах Калло, хотя установить конкретный прообраз этого персонажа не удастся.

На гравированной картинке, где изображен Гonos (№ 209 Б), приводится следующий текст:

«У меня дурака имя Гonosа, / тяшко и велико бремя нося. / Брада власами аки лес густая, / а голова мозгом что дупло пустая, / в кавтан аз облекся полосаты, / а пуговицы на нем узловаты, / исчириками купно смазные, / но и пуговицы на них вырезные. / В путь аз ноги свои приуготавливаю, / и бич долги коню своему являю, / дабы конь мой бежал не спотыкался / и шпорами в ребра не ударялся, / а за плечами сию ворону ношу, / пения слаткаго от оныя прошу, / зане глас ее зело преслатки, / но токмо пребывает кратки» [Ровинский IV: 311].

Имя *Гonos* так же, как и имя *Фarnos*, рифмуется со словом *нос*, что определяет его функционирование как шутовского имени. *Гonos* соотносится с представленными в «Словаре русских народных говоров» словами *гоноситься* ('кичиться, проявлять спесь, важничать' [Филин (гл. ред.) 1972: 9]) и *гонобный* ('гордый, спесивый' [Филин (гл. ред.) 1972: 9]). Значения этих слов перекликаются со значениями упомянутого выше апеллятива *фарнос* и образованного от него прилагательного *фарносый*. Однако картинки с Фарносом, по всей вероятности, были более распространенными в народной среде и имя шута Фарноса было известно лучше, чем имя Гonosа, что и привело к появлению апеллятива и его словарной фиксации. Слово *гонос* и его производные, в отличие от *фарнос*, в словарях не встречаются.

Рис. 3. Гonos.
Народная гравюра
(Ровинский № 209Б)

Fig. 3. Gonos.
Folk engraving
(Rovinsky No. 209B)

Ералаш

Ералаш как имя собственное встречается на трех лубочных картинках (№№ 206, 207, 208). В алфавитном указателе к изданию Ровинского [Ровинский V: 420] рядом с именем *Ералаш* стоит пояснение «дурацкая

Рис. 4. Ералаш.
Народная гравюра
(Ровинский № 207)

Fig. 4. Yerelash.
Folk engraving
(Rovinsky No. 207)

персона», то есть коллекционер и издатель лубка не сомневался в том, что *Ералаш* — это имя собственное. Сам Ералаш везде изображен по-разному, но все три картинки объединены темой алкоголя. На картинке № 206, которая обозначена Ровинским как копия с иностранного оригинала, Ералаш — это продавец водок в голландском costume. Картинка сопровождается текстом: «Так-то наш Ералаш за торг принимает-ся, / винцом забавляется / надел на плеча корзину, / а сам кричит рот розиня: / у меня в корзине всякия вотки, / кто охотник пить, прочищайте глотки» [Ровинский I: 438]. На картинке № 207 Ералаш

изображен в шутовском costume, он держит в руках кувшин, из которого пьет вино. Подпись следующая: «Наш Ералаш всегда так пробавлялся / искляницы винцом забавлялся» [Ровинский I: 438]. На картинке № 208 Ералаш изображен стариком с длинной бородой, который одной рукой обнимает женщину в русском costume, другой подвигает к себе кувшин с вином. Картинка подписана так: «Наш Ералаш сулит молодежи два гроша / чтоб перебила в бороде все воши, / Ералаш наш» [Ровинский I: 439]. Кроме темы алкоголя, эти тексты объединяются внутренней рифмой «наш — Ералаш». Как и в предыдущих случаях, рассмотренных в этой статье, рифма-дразнилка «наш — Ералаш» оказывается объединяющей словесной формулой, которая лежит в основе разных текстов. Имя с рифмующимся словом оказываются фундаментом, на котором могут строиться разные здания.

Слово *ералаш* тюркского происхождения, означает 'неразбериха, смесь, соединение, путаница, смятение'. В словаре М. Фасмера приводятся также диалектные формы *яралаш*, *ярлаш*, *арлаш* и добавляется новое значение 'игра в вист' [Фасмер II: 22]. «Словарь русского языка XVIII века» фиксирует для этого слова значение 'беспорядок, вздор' и снабжает его пометами: «новое слово» и «простонародное». В качестве примера приводится реплика Феклы из комедии В. В. Капниста «Ябеда»: «От коль в головушку твою такой содом, сумбур и ералаш явился?» [Сорокин (гл. ред.) 1992: 79].

«Словарь русских народных говоров» дает слова *ералашить* и *ералашничать* ('приводить в беспорядок'; 'говорить вздор, молоть чепуху'), *ералашный* ('беспокойный, подвижный, озорной'), *ералашь* ж. р. (1) 'беспорядок', 2) 'бессмыслица, вздор, чепуха') [Филин (гл. ред.) 1972: 364]. В словаре В. Даля есть еще одно значение: 'смесь разнородного сахарного сухого варенья, в одном слитке'. Но что для нас более важно, у Даля в гнезде слова *ералаш* есть слово *ералашник* со значением 'кто говорит либо производит ералаш: бестолковый рассказчик или исполнитель' [Даль I: 1297]. Именно последнее, вероятно, соединяет употребления слова *ералаш* как нарицательного и как имени собственного. *Ералаш* оказывается подходящим именем для персонажа сенок и личного балагурства.

* * *

Мы видим, что имена лубочных шутов имеют разное происхождение и разную историю бытования. Имя *Фарнос*, вероятно, имело европейские корни. Но за сто лет из имени дурака и шута оно под влиянием фонетических ассоциаций стало апеллятивом со значениями 'гордец с задраным вверх носом' и 'курносый человек'. При этом, судя по пьесе, приписываемой Баркову, связь Фарноса с лубком осознавалась довольно отчетливо. Фигура Гоноса также восходит к европейской шутовской культуре. Однако его имя имеет другое происхождение. В виду ограниченности материала делать однозначные выводы здесь невозможно. Но можно предположить, что фонетический облик этого имени опирался на диалектные или просторечные слова и для создателей лубочного текста имя *Гонос* было более понятным и очевидным, чем *Фарнос*. Иную историю имеет шутовское имя *Ералаш*. Изначально слово *ералаш* было апеллятивом, характерным для городского просторечия. Его значение 'вздор, чепуха' актуализовало использование слова как имени «дурацкой персоны», то есть шута.

Объединяющим моментом в функционировании имен этих трех шутовских персон является рифма. Имена *Фарнос* и *Гонос* рифмуются со словом *нос*, имя *Ералаш* со словом *наш*. Эти рифмы появляются в каждом тексте, где встречаются наши персонажи, а фонетические созвучия и ложная этимологизация дают обширный материал для языковой игры и балагурства. В заключении отметим, что словесное балагурство и использование рифм-дразнилок достаточно широко представлено в устной народной речи. Здесь уместно привести пример из современной художественной литературы. В повести Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд» имеется отдельная глава, посвященная «поэтическому творчеству» беспризорников, которые любили «собственными силами придуманные

рифмы» [Яхина 2021: 254–256]. Рифмованное обыгрывание имен занимает в этом творчестве значительное место. Так, про комиссара поезда по фамилии *Белая* дети говорят: «Белая, Белая, / Дура ты дебелая» и «Белая — баба спелая, / Только уж больно очумелая». Так же обыгрывается и имя начальника поезда: «Начальник поезда удостоился лишь рифмованных кличек — однообразных и преимущественно неприличных: Деев-Елдеев, Деев-Мандеев, Деев-Обалдеев... Клички пользовались популярностью. За глаза Деева только так и называли, с привеском» [Яхина 2021: 255–256]. Таким образом, мы видим, что практика фольклорного рифмования имен собственных вошла и в литературу XXI в.

Источники

Барков И. С. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Сост., подгот. текстов, статьи, примечания А. Зорина, Н. Сапова. М.: Ладомир, 1992. 416 с.

Барков П. Н. (ред.). Русская народная драма XVII–XX веков. Тексты пьес и описания представлений / Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Баркова. М.: Государственное издательство «Искусство», 1953. 354 с.

Вольнов И. Е. Повесть о днях моей жизни. Крестьянская хроника. «Прометей» Н. Н. Михайлова, СПб., 1914. 270 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб. — Москва: Издание Товарищества М. О. Вольф, 1903–1909.

Канестри А. Б. Новый большой русско-итальянский словарь. М.: Дрофа; Русский язык — Медиа, 2011. 832 с.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. I–V. СПб., 1881.

Яхина Г. Ш. Эшелон на Самарканд. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 507 с.

Литература

Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.

Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок // Мир народной картинки. [ГМИИ им. А. С. Пушкина: Материалы научной конференции «Випперовские чтения — 1997». Вып. 30.] М.: Прогресс-традиция, 1999. С. 384–396.

Мызников С. А. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 49. СПб.: Наука, 2016. 350 с.

Плетнева А. А. Кого хоронят мыши? К интерпретации лубочной картинки «Мыши кота погребают» // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2021. Т. 10. С. 97–123.

- Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII в. Вып. 7. СПб.: Наука, 1992. 264 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка Т. I–IV / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. II. М.: Прогресс, 1986. 671 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л.: Наука, 1972. 353 с.; Вып. 8. Л.: Наука, 1972'. 369 с.; Вып. 10. Л.: Наука, 1974. 388 с.
- Corti M. La musica italiana nel Settecento a San Pietroburgo *Philomusica*. Vol. 4. No. 1 (2005) [Электронный ресурс]. URL: http://riviste.paviauniversitypress.it/index.php/phi/article/view/04-01-COM01/25#_ftn3 (дата обращения: 31.12.2022).

References

- Corti M. La musica italiana nel Settecento a San Pietroburgo *Philomusica*, 2005, vol. 4, no. 1. Available at: http://riviste.paviauniversitypress.it/index.php/phi/article/view/04-01-COM01/25#_ftn3 (accessed 31.12.2022).
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. I–IV. Transl. from German and add. by O. N. Trubachev. Moscow, Progress Publ., 1986. 671 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 7. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 353 p.; Iss. 8. Leningrad, Nauka Publ., 1972'. 369 p.; Iss. 10. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 388 p.
- Lotman Yu. M. [Artistic content of Russian folk pictures]. *Mir narodnoi kartinki. GMII im. A.S. Pushkina: Materialy nauchnoi konferentsii "Vipperovskie chteniya – 1997"* [Pushkin State Museum of Fine Arts: Proceedings of the scientific conference "Vipper Readings – 1997". Issue 30]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 1999, pp. 384–396. (In Russ.)
- Myznikov S. A. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 49. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 350 p.
- Pletneva A. A. [Whom are the mice burying? The interpretation of the lubok print *The Mice Are Burying the Cat*]. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 97–123. (In Russ.)
- Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 7. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 264 p.
- Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [The history of words]. Moscow, Tolk Publ., 1994. 1138 p.